

В. А. Медюлянова

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматривается проблема выражения личных значений на примере японского языка, анализируются лексические и грамматические средства указания на лицо, дается характеристика этим средствам. Было выявлено, что в японском языке, помимо местоименных, существуют иные лексические средства, позволяющие обозначить лицо в коммуникативном пространстве. Также некоторые грамматические категории, наряду с выполнением своих основных функций, могут служить идентификаторами лица.

Способность к указанию в языке относится к лингвистическим универсалиям, но виды и способы выражения дейксиса в различных языках варьируются. Начало всестороннему исследованию дейксиса было положено немецким индоевропеистом К. Бругманном в 1904 г., который различал Я-дейксис и Ты-дейксис, обозначающие говорящего и адресата, а также – близкий и отдаленный предмет соответственно [1]. К. Бюлер, опираясь на работы К. Бругманна, развил теорию указательности, дополнив ее новыми терминами, в частности, обозначил указательное поле в координатах «я – здесь – сейчас», которым в современной трактовке соответствуют персональный (личный, ролевой), пространственный (локальный) и временной (темпоральный) виды дейксиса [2].

Многие лингвисты, исследовавшие дейксис и затрагивающие вопросы персональной ориентации, отмечают личные местоимения в качестве центрального средства указания на лицо [3, 4, 5], что вполне справедливо в отношении индоевропейских языков. Вместе с тем существуют языки, в которых инструментарий персонального дейксиса не ограничивается только местоимениями, на что указывают данные корпусов национальных языков.

Согласно данным частотного словаря О. Н. Ляшевской (2009), составленного на материалах Национального корпуса русского языка, помимо литературных произведений, в который входит публицистика и другие жанры нехудожественной литературы, а также записи устной речи, русские местоимения *я* и *ты* занимают 5-ю и 33-ю позиции, а в подкорпусе лексики живой устной речи 7-ю и 5-ю позиции соответственно [6]. Однако в частотном словаре японского языка¹, включающем материалы как письменной так и устной речи, мы обнаружим, что местоименное слово, обозначающее 1-е лицо единственного числа 私 [watashi, watakushi, atashi], занимает в нем лишь 42-е место по частотности употребления, а самое частотное местоимение для обозначения 2-го лица единственного числа あなた [anata] и вовсе находится на 226-й позиции. Разная частотность употребления личных местоимений наводит на мысль о том, что, возможно, в разноструктурных языках набор дейктических средств не исчерпывается местоименным инструментарием и получили развитие иные способы выражения персонального дейксиса.

---

¹ A Frequency Dictionary of Japanese by Yukio Tono, Makoto Yamazaki and Kikuo Maekawa. – N.Y., 2013.

Следовательно, возникают следующие вопросы: каким образом осуществляется идентификация исполнителей ролей речевого действия (ролей в том смысле, в каком понимал их К. Бюлер, т.е. в качестве указателей на исполнителя роли в разыгрываемой речевой драме [2]), какие лингвистические средства при этом используются, то есть, существуют ли в японском языке иные, помимо местоименных, средства выражения персонального дейксиса.

Таким образом, цель настоящего исследования – выявить средства выражения персонального дейксиса в японском языке в диалогической речи, выделить их основные функционально-семантические свойства.

Материалом для исследования послужили 58 диалогов в различных стилях, взятых из учебника японского языка 会話の日本¹ «Японский язык в диалогах», с привлечением материала из японского новостного портала NHK.

Анализ отобранного языкового материала показал, что в японском языке существуют различные формальные способы обозначить либо идентифицировать участников коммуникации: **лексические** (местоименные слова, имена собственные, термины социального статуса, стилистически маркированная лексика) и **грамматические** (гоноратив, оптатив, пассив, бенефактив), которые, наряду со своей основной функцией, выполняют и дейктическую.

Местоименные слова. В японском языке личные местоимения обладают своеобразной категорией числа, категорией лица, а также категорией социально-личностных отношений [7], что обуславливает их значительное многообразие и невозможность привести их точные соответствия.

Тем не менее, несмотря на обширный местоименный инструментарий (в группе местоименных слов выделяют даже синонимические ряды и омонимы) многими японистами (И. В. Головнин, В. М. Алпатов и др.) неоднократно подчеркивалась тенденция в силу разных причин избегать их употребления в речи носителями японского языка.

Однако, на наш взгляд, они остаются ведущими эгоцентриками (средствами эгоцентричного персонального дейксиса, которому свойственна ориентация на говорящего) в указательном поле. Это обусловлено тем, что только местоимения обладают чистой дейктической семантикой, позволяющей им без опоры на контекст и невербальные средства в полной мере реализовывать свой дейктический потенциал. Как показывает языковой материал, местоимения используются особенно часто при симметричной модели субъективной интерпретации, при которой один или оба участника коммуникации осознают себя равными друг другу. В этом случае употребление местоименных слов, по нашим наблюдениям, схоже с использованием таковых в русском языке, который по возможности опущения личных местоимений также относится к языкам pro-drop, хотя причины опущения в этих языках различны:

---

¹ *Sasaki, M.* Japanese through Dialogues for Intermediate Learners. – Tokyo, 2010.

(1) 東京へ行きたいんですか [to:kyo: he ikitain desu ka] '(досл.: Токио + в + ехать хотеть + копула + вопросительная частица) Вы хотите поехать в Токио?' Опускание местоимения *вы* возможно ввиду наличия в русском языке финитных форм глагола в настоящем времени. В японском варианте местоимение отсутствует, поскольку расстановка лиц участников возможна на основании вопросительного тона и общей логики. В ситуациях, когда говорящему требуется сделать акцент на самого себя, невозможно обойтись без местоименных слов и в японском языке:

(2) 私が東京へ行きたいんですけれども。 [watakushi ga to:kyo: he ikitain desu keredomo] '(досл.: Я + акцентная частица + Токио + в + ехать + хотеть + копула + однако) Я хочу поехать в Токио'.

Имена собственные. Наряду с местоимениями для указания на лицо используются также имена собственные, если в качестве референта выступает 2-е либо 3-е лицо. В отличие от индоевропейских языков, где имена собственные в речи используются преимущественно как вокатив либо в нарративном дейксисе, в японском языке они заменяют собой местоимения при общении даже с близкими людьми:

(3) 明子ちゃんと会いたかった。 [akiko chan to aitakatta] 'Я хотел с тобой (досл. с Акико) встретиться'.

Референция к адресату с помощью личных имен может осуществляться в сочетании с именными суффиксами *san, chan, kun* и др., которые не используются по отношению к говорящему:

(4) 鈴木さんと一緒にビールを飲みに行きませんか。 [suzuki san to isshoni bi:ru wo nomi ni ikimasen ka] 'Сходим вместе с Вами (досл. с Сузуки-сан) выпьем пива?'

Таким образом, указание на фамилию (имя) и использование именного суффикса позволяют совершенно безошибочно установить адресата в устной коммуникации, сопровождающейся иными визуально различимыми маркерами указательности.

Термины социального статуса. В качестве дейктиков могут использоваться термины, отображающие выполняемые лицом различные социальные роли (должность, семейное положение и др.) и актуальные для него в конкретной ситуации. Например, при обращении к учителю в школе:

(5) 去年、先生に頂いたノート、とても役に立っています。 [kyonen sensei ni itadaita no:to totemo yaku ni tatte imasu] 'Книга, которую Вы (досл. учитель) мне дали, очень полезна'.

При обращении к тому же лицу членами семьи:

(6) お父さんに叱られたのは不公平だとおもうんだ。 [oto:san ni shikarareta no ha fuko:hei da to omou n da] 'Думаю, что ты (досл. отец) меня несправедливо отругал'.

Стилистически маркированная лексика. В данном лексическом блоке имеется в виду прежде всего тот особый пласт слов, единицы которого предназначены для употребления в почтительном стиле речи. Выражение почтительности к собеседнику может осуществляться двумя способами: либо

принижением себя, тем самым возвышая собеседника, либо, наоборот, демонстрируя особую вежливость к партнеру по коммуникации, говорящий как бы ставит себя на одну-две ступени ниже в рамках конкретной речевой ситуации. Отсюда происходит функциональное различие вышеупомянутой лексики, т.е. она делится на слова, используемые только по отношению к себе и своему посессивному полю (депрециативная лексика), и употребляемые по отношению к другому лицу, большей частью, к собеседнику и его посессивному полю (гоноративная лексика).

Параллельный класс слов стилистически маркированной лексики охватывает глаголы речевой деятельности, движения, употребления пищи и др., а также существительные, обозначающие термины родства, принадлежность компаний и др. Например, нейтральный глагол 見る [miru] ‘видеть, смотреть’ в почтительной речи о себе заменяется на депрециативный глагол 拝見する [haiken suru], по отношению к собеседнику – на гоноративный глагол ご覧になる [go ran ni naru]; при обращении к собственной дочери используется слово 娘 [musume] ‘дочь’, в то время как при ссылке на чужую дочь используется стилистически маркированный вариант お嬢さん [o jo: san] ‘дочь’.

Таким образом, функциональная классификация специальной «вежливой» лексики по лицам помогает ориентироваться в сложно организованном указательном поле японского диалога.

Наряду с лексическими, а зачастую и вкуче с ними функционируют косвенные **грамматические дейктики**, к числу которых относятся гоноратив, оптатив, пассив, бенефактив.

Грамматические конструкции гоноратива. Статусная дифференциация участников речевого события получила в японском языке также грамматическое выражение. Кодирование ролей на самом высоком по степени почтительности уровне выполняется различными техниками в зависимости от направления вектора указания, закладываемого в высказывание субъектом речи. Например, если предикат соотносится с ролью 1-го лица, действует правило постановки глагола во вторую основу с добавлением «вежливых» префиксов *o* и *go* и вербализатора *suru* ‘делать’ либо его вежливого эквивалента. Т.е, фраза お任せします [o makase shimasu] ‘Полагаюсь на Вас’ дословно означает ‘полагание делать’.

При ссылке на собеседника применяются иные правила грамматического оформления гоноративности, знание которых позволяет коммуникантам наряду с выражением почтительности безошибочно распределять роли между собой в рамках диалогического общения. Однако данное дейктическое средство является как бы «побочным эффектом» грамматической категории вежливости и реализуется только в определенном коммуникативном стиле.

Оптатив. Глагольная категория желательного наклонения в японском языке в зависимости от субъекта волеизъявления выражается как лексически, так и с применением грамматических конструкций. К глаголу во второй

основе присоединяется суффикс со значением оптативности *たい* [tai], и таким образом образуется оптативная конструкция, которая в окончательном варианте может быть соотнесена либо с самим говорящим, либо с адресатом-собеседником, причем субъект желания и его предполагаемый исполнитель совпадают:

(7) パーティーへ行きたい。 [pa:ti: e ikitai] ‘Я хочу пойти на вечеринку’.
Та же фраза с вопросительной интонацией и факультативно с добавлением вопросительной частицы будет означать ‘Ты хочешь пойти на вечеринку?’.

Особенности японской речевой традиции, не позволяющие собеседникам откровенно выражать свои мысли и намерения, что считается нарушением речевого этикета, тем более не допускают прямых утверждений о желаниях третьего лица [8].

Возможно, поэтому для выражения желаний 3-го (реже 2-го) лица оптативная конструкция, рассмотренная выше, усложняется добавлением суффиксов предположения *がる* [garu], *よう* [you] и другими, что позволяет высказыванию в усовершенствованном виде носить не категоричный утвердительно-уверенный характер, а выражать лишь догадку, основанную на впечатлении, суждении и т.д. в зависимости от суффиксальной семантики:

(8) 彼は有名になりたがっている。 [kare wa yu:mei ni nari tagatte iru] ‘Он [кажется, похоже] хочет стать знаменитым’.

При намерении побудить 2-е либо 3-е лицо сделать что-либо в интересах 1-го лица конечный глагол принимает следующие морфологические формы, предполагающие инкорпорацию смыслового глагола и оптативной формы глагола со значением *получать*, либо прилагательного, относящегося к лексическому полю оптативности:

1) смысловой глагол в срединной форме на *te/de* + прилагательное *hoshii* ‘желаемый’;

2) смысловой глагол в срединной форме на *te/de* + оптативная конструкция *moraitai* ‘хочу получить’;

3) смысловой глагол в срединной форме на *te/de* + оптативная конструкция *itadakitai* ‘хочу получить’.

Выбор конкретной грамматической модели осуществляется на практике дифференцированно, в зависимости от лица, на которое направлено побуждение, что обусловлено стилистикой глаголов *получать* в зависимости от статусов участников коммуникации. Причем, если деятель и реципиент не выходят за пределы коммуникативной ситуации, употребление местоименных слов *я*, *ты*, *вы* и др. становится излишним.

(9) この小包をすぐ送ってほしい。 [kono kozutsumi wo sugu okutte moraitai] ‘Я хочу, чтобы [ты (вы)] послал (послала) эту посылку прямо сейчас’.

Таким образом, оптатив в японском языке имеет не прямое дейктическое употребление, что также позволяет обходиться без местоименной экспликации лица в японской диалогической речи.

Пассив. Анализ языкового материала, взятого для настоящего исследования, показал, что пассивный залог используется в речи говорящих довольно часто. Широкому применению пассивных конструкций способствует возможность образования в японском языке пассивного залога равно как от переходных, так и от непереходных глаголов. В случае с последними для перевода на русский язык используются, как правило, безличные конструкции:

(10) 魚を買うよいに言われた。[sakana wo kau you ni iwareta] ‘[Мне] сказали купить рыбу’ (досл.: купить рыбу чтобы, сказан был). Отличие состоит в заполняемости позиции объектива, которая в японском языке носит факультативный характер и выводится контекстуально либо логически ввиду отсутствия иных формальных признаков, например, личных окончаний глаголов.

Таким образом, указание на референта заложено в самой грамматической конструкции пассивного залога, которая в качестве непрямого дейктического средства носит эгоцентрический характер и указывает на самого говорящего. Позиция агентивного дополнения при этом может оставаться открытой.

Бенефактив. В японском языке бенефактивные конструкции образуются через грамматикализацию так называемых глаголов смены владельца «давать» – «получать» и их стилевые эквиваленты: もらう [morau], いただく [itadaku], くれる [kureru], くださる [kudasaru], あげる [ageru], やる [yaru], さしあげる [sashiageru]. Выбор конкретного глагола для присоединения к основному глаголу в деепричастной форме на *-te* зависит от того, к какому уровню социальной иерархии и к какому посессивному полю (свой vs чужой) относит говорящий себя и своего собеседника. Причем, по сравнению с исходным глаголом, актантная структура нового сложного глагола дополняется еще одной позицией заинтересованного лица – выгодополучателя [1, с. 343]. Для демонстрации механизма функционирования бенефактивных конструкций рассмотрим следующие примеры из нарративного дискурса:

(11) 愛子は美味しい夕食を作った。[Aiko wa oishii yu:shoku wo **tsukutta**] ‘Айко **приготовила** вкусный ужин’.

(12) 愛子は美味しい夕食を作ってくれた。[Aiko wa yu:shoku wo **tsukutte kureta**] ‘Айко **приготовила** [нам] вкусный ужин’.

В диалогическом дискурсе бенефициант в таких конструкциях может оставаться неактуализированным в поверхностной структуре, особенно если его значение обусловлено общим конвенциональным смыслом, как в следующем примере:

(13) 妻は夕食にフライドチキンを作ってくれた。[tsuma wa yu:shoku ni furaido chikin wo **tsukutte kureta**] ‘Жена **приготовила** [скорее всего, мне, а не кому-нибудь другому] на ужин жареного цыпленка’.

Поскольку в самой семантике глаголов оппозиции «давать – получать» заложена направленность действия от субъекта-отправителя к объекту-бенефицианту и наоборот, можно утверждать, что бенефактивные конструк-

ции являются полноценным дейктическим средством. Причем, несмотря на различия в функциональном употреблении бенефактивных глаголов подобно социально маркированной лексике, не маркирование социальных ролей, а именно дейктическая функция является для них ведущей.

Однако нередки случаи построения фраз в японских диалогах, когда в отсутствие прочих маркеров указательности субъект действия также не эксплицируется, в которых исключительно интонация, логика, контекст помогают ориентироваться между субъектом речи и остальными участниками коммуникации. Для примера возьмем следующий телефонный разговор между начальником и подчиненным. Поскольку в японском языке глаголы не спрягаются по лицам и числам, их дословный перевод будет приведен для настоящего-будущего времени в словарной форме, для прошедшего – в мужском роде единственного числа.

А: 太田です。‘Ота’

Б. 課長、田中です。‘Начальник отдела Танака’.

А:

あ、田中さん、いま、出先なんだけどね。ホームページのトップページの案、今日中までに見てほしいと言っていたよね。‘Танака-сан. Сейчас на выезде же, однако. На главной странице сайта предложение посмотрев хотеть, говорил же, верно?’.

Б: あ、はい。‘Да, точно’.

Очевидно, что распределение ролей между локуторами в приведенной речевой ситуации невозможно без опоры на экстралингвистический контекст, поскольку предложения не содержат никаких лексико-грамматических ссылок на лицо. Форма оптата указывает лишь на то, что субъект желания и субъект действия – разные лица. Логически можно предположить, что на выезде находится говорящий, который сообщает информацию о себе. Участникам коммуникации было известно еще до начала разговора, кто кому о чем говорил. Сторонний наблюдатель, например, переводчик, основываясь на том, что скорее всего, указания может отдавать начальник подчиненному, а не наоборот, может интерпретировать третью реплику следующим образом: «Танака-сан, **я** сейчас на выезде, но **вы** говорили, что (**вы**) хотите, чтобы **я** посмотрел предложение на главной странице сайта».

Таким образом, анализ средств репрезентации персонального дейксиса японского языка позволяет выделить следующие функционально-семантические характеристики, присущие японским маркерам лица.

1. Большинство дейктиков в японском языке являются «не-чистыми» (термин Дж. Лайонза), выполняющими функцию указания параллельно с основной грамматической, прагматической либо коммуникативной функцией. Даже некоторые местоименные слова сложно отнести к чистым дейктикам ввиду их стилистической окрашенности.

2. Практически все дейктики, рассмотренные в настоящем исследовании, реализуют свой дейктический потенциал только **в связке** с иными средствами персональной ориентации, включая невербальные, что обусловлено первой характеристикой.

3. Большинство японских дейктиков, включая некоторые местоименные, **контекстуально обусловлены**, то есть, могут быть декодированы только с опорой на контекст, известный до акта коммуникации.

4. Если субъектов и объектов личного дейксиса невозможно выявить из контекста, то они **логически выводимы** с опорой на сопутствующие жесты и сиюминутный контекст.

Таким образом, система персонального дейксиса японского языка представлена как лексическими средствами (местоимения, имена собственные, термины социального статуса, стилистически маркированная лексика), так и грамматическими средствами (гоноратив, оптатив, пассив, бенефактив), выступающими в качестве актуализаторов лица в речи наряду с выражением их основной грамматической функции, которым присущи общие функционально-семантические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кибрик, А. А.* Дейксис [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,3. – Дата доступа : 16.07.2018.
2. *Бюлер, К.* Теория языка: репрезентативная функция языка: пер. с нем. / К. Бюлер; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной. – М. : Прогресс, 1993. – 501 с.
3. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1992 – 281 с.
4. *Бондарко, А. В.* Темпоральность, модальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – Л. : Наука, 1990. – 263 с.
5. *Якобсон, Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: сб. ст. / Р. О. Якобсон; отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1972. – С. 95–113.
6. *Ляшевская, О. Н.* Словари на основе национального корпуса русского языка [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru>. – Дата доступа : 15.07.2018.
7. *Головнин, И. В.* Грамматика современного японского языка / И. В. Головнин. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 316 с.

The article analyses the means of person deixis representation of the Japanese language and their features which exist in addition to the universally recognized personal pronouns, and function in a dialogical aspect. Along with person terms the analysis revealed other person deictics: lexical (proper nouns coupled with nominal suffixes, social status terms, honorific lexis) and grammatical means (the honorific category, the optative, the passive voice, beneficial structures).

Поступила в редакцию 06.11.2018